

Westeuropa und den USA bleiben. ... Aber: USA und Westeuropa vergügen fast über gleiche Standortausstattung ... (Deutschland 2, 1993: 22).

Поэтому в ЭП и выносятся нереферентные языковые единицы (модальные слова, союзы, частицы, наречия), обобщенные имена, деадъективы, девербативы. Метаимена также являются нереферентными, они денотированы в интерпретативной сфере и устанавливают не предикативные, а интерпретативные отношения, которые выражены такими средствами, как нарушение синтаксической структуры – обособленность, вводность, интонация и другие. Интерпретативные отношения могут быть сформулированы специальными средствами, «интерпретаторами» типа: *mit anderen Worten, richtiger gesagt* и др., выражающими интерпретативную интенцию автора эксплицитно (усиление установки на автора и на адресата), структурно ориентированы на выполнение реляционной (связующей) функции в тексте.

Литература

1. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. – М., 1987.
2. Стрельцова Г.Д., Трошина Н.Н. Реферативный обзор основных тенденций развития синтаксической системы современного немецкого языка. – Л., 1979.
3. Deutschland. Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft, 1993-1998.
4. Weiskopf F.C. Erzählungen. – Leipzig, 1970.
5. Weißkopf F.C. Abschied vom Frieden. – Berlin und Weimar, 1968.
6. Apotheker Umschau. 1997. – №5, 6.
7. Heinrich Mann. Humanismus wird sozialistisch sein. Moskau, 1977.
8. Remarque E.-M. Der schwarze Obelisk. – Berlin, 1957.
9. Feuchtwanger L. Goya oder der arge Weg der Erkenntnis. – Berlin und Weimar, 1971.
10. Stern. 1997. – №18

СУБЪЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК КОНСТИТУЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ СУБЪЕКТНОСТИ И ПЕРСОНАЛЬНОСТИ (к постановке проблемы)

Н.И. Дзенс
Белгород

Категории субъекта и лица теснейшим образом связаны друг с другом и нередко идентифицировались в отечественной грамматической традиции XVII-XIX вв. Причины этого явления кроются в длительном преобладании логического подхода к анализу предложения, намеченного отчасти в работах Зенона из Элеи, пифагорейцев, Демокрита, Сократа, Платона и обоснованного теоретически в трудах «отца логики» Аристотеля, изучавшего структуру предложения с целью выявления специфики процессов вывода умозаключений (силлогизмов), принадлежащих к образованиям рода «логосов».

Согласно концепции Аристотеля и его последователей (стоиков, александрийцев, представителей философской, рациональной/всеобщей грамматики и др.), структура категорического суждения и манифестирующего его

предложения имеет двухкомпонентный состав: субъект как некую сущность, некий субстрат, представляющий собой исходный предмет мысли, основу суждения-предложения (гр. *hurokeimenon* «лежащее внизу/в основании» – ср. лат. *sub-jectum*, русс. «под-лежащее») и предикат как сообщение о субъекте, приписываемый субъекту признак, или «атрибут» (гр. *kategoroumenon* «сказанное», «сообщаемое» – ср. лат. *praedicatum*, русс. «сказуемое», XVIII-XIX вв.: «сказываемое»). Таким образом, предложению изначально постулировалась изоморфность структуре суждения, что вполне естественно, поскольку представления о структуре категорического суждения Аристотель формировал на основе анализа языкового материала, а именно предложений, содержащих обозначение субстанции («имя», т.е. существительное в именительном падеже), десемантизированного глагола бытия *esii* в форме презенса (*esti* «есть»), в функции «союза» (связки) и предикативных элементов в функции «атрибута» (прежде всего существительных, находящихся в видородовых отношениях с именем в позиции субъекта, и прилагательных) – эта структура в настоящее время обозначается формулой «S есть P» (в работах Аристотеля: «B есть A», «A присуще B», «B принадлежит/подчинено A», «B содержится в A», «A сказывается/говорится о B» и др., при этом под B понимается «то, о чем сказывается», а под A – «то, что сказывается», т.е. B = субъект, A = предикат, положительный или отрицательный) (Аристотель 1975: 70-71, 186-191, 294, 394; 1978:55, 93-96, 119-120, 174, 620; 1983: 667-668; Микеладзе 1978: 5-9; Arens 1955: 10-16, 34-36, 72-75; Steinthal 1890: 42, 139-141, 190-198, 239-243; Albrecht 1975: 39-43, 254-255; Лайонз 1978: 29-37, 342-343; ЛЭС 1990: 496-498).

Однако было бы неверным «упрекать» Аристотеля (как это часто имеет место) в неразграничении, идентификации суждения и предложения, в игнорировании специфичности структуры предложения. Концентрируя основное внимание на структуре силлогизма и суждения, Аристотель к анализу языкового материала подходит более как логик нежели чем грамматист, и его логико-грамматическая концепция предложения концентрируется именно на случаях соответствия его логической и грамматической структуры, в силу чего и используемая им терминология носит синкретический характер: *logos* обозначает как суждение, так и предложение (здесь мы отвлекаемся от факта, что *logos* синкретически обозначает также понятие, слово и словосочетание, трактуемое в качестве суждения – например, *kallos hippos* «красивая лошадь»), соответственно термины *hurokeimenon* и *kategoroumenon* обозначают субъект/предикат как суждения, так и предложения (Аристотель 1978: 93-96, 319, 349; Arens 1955: 11-14; Albrecht 1975: 42). Именно на этом основании многие исследователи полагают, что Аристотель не разграничивал логическое и лингвистическое, идентифицируя эти стороны языковых единиц (слова-понятия и предложения-суждения), однако это (довольно распространенное и в настоящее время) мнение отвергается многими логиками, философами и лингвистами: так, Э.Альбрехт, отмечая связь логических изысканий Аристотеля с проблемами философии языка, теории познания, подчеркивает заслуги Стагирита как в области логики, так и в сфере «грамматики» (т.е.

языкознания), в области исследования соотношения мышления и языка (Albrecht 1975: 41-42). З.Н. Микеладзе отмечает всесторонность анализа языковых явлений в трудах Аристотеля (логическое, лингвистическое, психологическое, объективно-онтологическое толкование), в процессе которого он прибегает к разным аспектам исследования и к разным сторонам языковых явлений в зависимости от угла зрения на проблему: «Распространенное мнение, будто Стагирит путал логическое с грамматическим, следует считать полным недоразумением» (Микеладзе 1978. 8).

В известной степени импульс к исследованию асимметрии синтаксической и логической структуры предложения принадлежит также Аристотелю: так, обращаясь к анализу предложений с полнозначной глагольной словоформой, он отмечает: «В [высказываниях], в которых «есть» не подходит, например, в высказываниях [он] «здравствует», [он] «ходит», взятое таким образом слово имеет такое же значение, как если бы было добавлено «есть»; например, «каждый человек здравствует» = «каждый человек (есть) нездоров» (Аристотель 1978: 104). Для избранной нами темы существенным является то, что здесь в качестве репрезентанта субъекта рассматривается морфологическая форма лица, манифестируемого глагольной флексией, в силу чего одночленное предложение имеет статус двучленного суждения (субъект и лицо взаимодействуют), а грамматический формант (флексия) может выступать в качестве аналога полнозначного компонента логической структуры предложения.

Аналогичным образом восстанавливается «равновесие» логических и грамматических аспектов предложения в рамках «универсальных» («всеобщих», философских, рациональных, «спекулятивных») грамматик, в частности в «Грамматике Пор-Рояль» (А.Арно и К.Лансло) и в лингвистических концепциях западноевропейских и российских ученых XVIII-XIX вв., обнаруживающих различную степень зависимости от логических концепций «всеобщей» грамматики (наиболее яркие представители логико-философского направления в лингвистике: Г.В.Лейбниц, Л.Г.Якоб, Н.И.Греч, И.Орнатовский, И.Ф.Тимковский и др.), ср.: Петр живет = Петр (есть) живой/живущий; Человек бежит = Человек (есть) бегущий, Ego laudo Titum = Ego sum laudator Titii (Березин 1979: 46-53, 86-88, 96; Albrecht 1975: 78-79, 82). Возникновение многообразия глагольных лексем А.Арно и К.Лансло объясняют сочетанием корневой морфемы как материального носителя лексического значения и логического атрибута, манифестирующего признак субъекта, с флексией, восходящей к «чистому» глаголу «быть» в соответствующем лице/числе, дающем представление о логическом субъекте (АОР 1975: 229). Франц Бопп, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, находившийся под известным влиянием логической концепции, возводит морфологическую форму глагола к структуре суждения, при этом в качестве реликтовой формы глагола-связки «быть» он рассматривает суффикс «s» в аористных формах санскрита (adik-s-am), греческого (edeik-s-a) и латинского (dixi<dic-s-i); согласно Боппу, формант «s» соединяет генетически логический предикат (корень глагола с признаковым

значением) и логический субъект (личное окончание); данная концепция легла в основу теории агглютинации Ф.Боппа, которая «до сих пор окончательно не доказана, но и не опровергнута» (АОР 1975: 270-273).

Трактовка «непрямых» средств выражения логического субъекта косвенно просматривается и в приведенной выше цитате Аристотеля, где личное местоимение «он» (стоящее в скобках) восстанавливается переводчиком на основании глагольной флексии (поскольку в греческом и латинском субъект нередко может опускаться). Аналогичная трактовка характерна также для Грамматики Пор-Рояль: *sum homo* = [я] есть человек, *vivo* = [я] живу, *sedeo* = [я] сижу (логический субъект представлен окончанием, предикат – корнем глагола, а предикативная связь, связочность как операция второго уровня оперативного мышления, являя собой «собственно деятельность нашего сознания», не обязательно предполагает экспликацию посредством «чистого» связочного глагола) (АОР 1975: 229; Agens 1955: 75-76; Березин 1979: 46). В настоящее время формула «S есть P» как бы символизирует асимметрию логического и грамматического уровней предложения: S, P представляют собой элементы суждения, приводимые мышлением в непосредственную логическую связь, без посредства какой-либо «логической» связки, а глагол «есть» является языковым элементом, который в соответствии с грамматической нормой многих европейских языков выступает в качестве связующего элемента между грамматическими формами, репрезентирующими логический субъект и логический предикат (БСЭ-25 1976: 24).

Трактовка связки «быть» в качестве служебного компонента составного именного сказуемого (предложенная А.Х.Востоковым), постепенное признание двучленности суждения и предложения в качестве основополагающей характеристики их структуры, зарождение сравнительно-исторического языкознания в первые десятилетия XIX века поставили лингвистов перед необходимостью исследования взаимодействия членов предложения на различных уровнях его поверхностной и глубинной структуры, выявляя универсальное и специфическое, систематизируя основные структурно-семантические типы с целью создания единой типологии предложения применительно к каждому конкретному языку.

Наибольшие проблемы в плане выявления взаимодействия категорий субъекта и лица в составе предложения (в рамках различных школ синтаксиса: логического, психологического, семантического, коммуникативного) представляют одночленные глагольные предложения, не содержащие грамматического субъекта (подлежащего), и «формально-подлежащные» предложения с неполнозначными местоимениями (нем. *man, es*; англ. *one, it*; фр. *on, il*), трактуемые – начиная с эпохи создания ранней концепции языковедения (*ars grammatica* «грамматическое искусство») – в качестве бессубъектных, а позднее – безличных предложений (этот термин также принадлежит А.Х.Востокову). Данной проблеме посвящена обширная, фактически необозримая литература на материале русского (Е.М. Галкина-Федорук, В.Л. Георгиева, В.В. Бабайцева, Н.Н. Арват, А.А. Юдин, Э.Н. Алсуфьева, Л.И. Василевская, Г.Ф. Низяева, Л.А. Бирюлин, Т.Г. Почтенная и мн. др.), немецкого (К.В.

Школина, Л.В. Хованская, Е.И. Шендельс, Е.В. Гулыга, З.А. Дерещкая, Л.С. Каменская, Е.П. Логачева, Д.В. Худякова, Н. Corradi, D. Jud-Schmid и др.), романских (Т.В. Алисова, М.Д. Потапова, И.В. Дегтяревская и др.), а также нескольких родственных или неродственных языков (F. Miklošič, Chr. Sigwart, J. Zubaty, В.Ю. Михальченко, С.И. Сятковский, Л.И. Ерыгина и др.).

Остановимся на узловых моментах основополагающих концепций, касающихся категорий субъекта и лица в бессубъектных (бесподлежащих, безличных) предложениях.

В рамках логического и психологического направлений лингвистики XIX в. неоднократно предпринимаются попытки выявления форм, являющихся аналогами логического соответственно психологического субъекта. В этот период к числу бессубъектных/безличных предложений (БП) относят довольно пеструю группу конструкций: *es regnet, mich schläfert, mir grauset's, es wird gesagt, man sagt, es wimmelt von Menschen, ez grüonet an den esten, ez starb überall um Nurenberg, es tanzt sich hier gut, es munkelt (dass...), Гремит, Говорят, Хочется, Икается, Мне думается, В девках сижено, У молодца послужено, Похожено коло моря кіньми*, лат. *pluit, dicitur, dicunt*; англ. *one says, it rains*; фр. *il pleut, on pense* и мн. др.

В качестве показателей логического (соотв. психологического) субъекта трактуются флексии (*pluit, dicunt, говорят, хожено*), «неопределенные» местоимения (*man sagt, one says, on pense; es regnet, it rains, il pleut*), косвенно-падежные формы местоимений (*mich schläfert, mir grauset's, ему не сидится, мне хочется*) (Галкина-Федорук 1958: 18, 22, 34-35, 40-46; Георгиева 1968: 10-13; Буслаев 1959: 273; Paul 1937: 130-131; 1919: 4, 12, 26-27), предложные и косвеннопадежные формы существительных (его громом убило – ср.: его гром убил; впереди его проехано у богатыря – ср.: богатырь проехал впереди него – (Буслаев 1959: 385-386).

Трактовка косвенных форм выражения субъекта первоначально осуществляется в категориях логики (психологии) в духе традиционной попытки восстановить «симметрию» логической (психологической) и грамматической структуры предложения, ср.: «Только в логическом отношении можно назвать в безличном предложении подлежащим (т.е. субъектом – НД) дательный падеж, означающий отношение к лицу (Мне хочется)» (Буслаев 1959: 273).

Вместе с тем трактовка косвенных форм в качестве аналога логического субъекта и трансформированной формы подлежащего личного предложения, возможно, в какой-то степени уже связано с учетом ситуации реальной действительности, реального действующего лица (следует иметь в виду, что в XIX в. подлежащее довольно активно обозначается как «лицо действующее», «лицо действователя», с целью обозначения синтаксической функции подлежащего как носителя предсказуемого ему признака, поэтому фактор учета референции к денотату как реальному деятелю в работах исследователей XIX века можно только предполагать на основании отдельных замечаний), ср.: «Замена личного оборота безличным составляет одну из особенностей нашего языка. Мы обращаемся к безличной форме даже тогда, когда нельзя миновать лица действующего (подчеркнуто нами – НД), которое и

обозначается тогда различными косвенными падежами, заменившими первоначальный именительный падеж существительного» (Буслаев 1959: 384), ср.: Я хочу – Мне хочется, Я думаю – Мне думается, Его гром убил – Его громом убило (с.385).

Применительно к «безличным» предложениям типа «Говорят», «Man sagt» также констатируется наличие в них некоторого «подразумеваемого подлежащего», которое, вероятно, выводится не только на основании флексии множественного числа, а хотя бы как минимум на основании учета лексической семантики глагола, предполагающего наличие в реальной действительности некоторого одушевленного субъекта (лица), трактуемого, однако, в соответствии с традицией, в качестве «безличного подлежащего», ср.: «При безличном во множественном числе подразумевается подлежащее люди, многие, некоторые и т.п. Потому в народном и старинном языке (и не только! – НД) иногда в смысле безличного подлежащего поставляется люди или даже человек»: Люди белить, а мы места делить (Буслаев 1959: 380).

Как видим, даже в рамках формализованного, логически ориентированного анализа «пробивается» живое ощущение связи предложения с реальной действительностью, конкретизирующей и наполняющей содержанием «безличное подлежащее».

В рамках психологического направления в процессе анализа «языкового мышления», наконец-то, обращается внимание на семантическую неоднородность «бессубъектных/безличных» предложений: в работах А.А.Потебни, Ф.Миклошича и их последователей предпринимается разграничение БП на 2 типа: «предложения с оттенком es» и «предложения с оттенком man» (А.А.Потебня), «man-Sätze» и «es-Sätze» (Ф.Миклошич), при этом для «es-Sätze» констатируется полное отсутствие представления о субъекте действия (лице деятеля), а для «man-Sätze» – наличие в «грамматической мысли» (термин А.А.Потебни) представления о субъекте действия («действователе», некотором одушевленном деятеле-лице), при этом «неопределенное подлежащее», считавшееся главным признаком БП, уточняется для «man-Sätze» в плане возможности его «определения»: «unbestimmt, aber bestimmbar», т.е. «не-определенный, но определимый» (Ф.Миклошич), «неназванный, но известный» (А.А.Потебня), что подтверждается постановкой слова «люди» (Говорят = люди говорят), а для «es-Sätze» – в плане полного отсутствия представлений о «подлежащем»: «неопределенное и в данный момент неопределимое подлежащее» (Потебня I-II 1958: 91; III 1968: 317-318, 327, 337-343; Miklošič 1883: 2-4, 11, 25).

Д.Н.Овсяннико-Куликовский, развивая идеи А.А.Потебни, обозначает данные типы предложения как «абсолютно-бессубъектные» и «относительно-бессубъектные», связывая с ними представления о морфологическом «четвертом», неопределенном (man-Sätze) и «пятом», мнимом (es-Sätze) лице (Овсяннико-Куликовский 1912: 191-199).

А.М.Пешковский продолжает традиции А.А.Потебни, строго опиравшегося в процессе анализа предложения и выявления типологии на учет собственно лингвистических (морфологических и синтаксических) характери-

стик языковых единиц, их «формальной семантики». На основе морфолого-синтаксических характеристик предикативной основы предложения А.М.Пешковский предпринял классификацию предложений, учитывая структуру подлежащего (грамматического субъекта, «лица действующего») и сказуемого (значение лица морфологического, степень согласованности/несогласованности по этому параметру с лексемой в позиции подлежащего). Соответственно данным установкам А.М.Пешковский трактует личные предложения как структуры с определенным, известным лицом (т.е. с эксплицитно выраженным полнозначным подлежащим, лексическое значение которого «известно», а морфологическое значение лица соответствует его «роли» в процессе коммуникации: 1-2-3 лицо ед./мн. ч.). Личным предложениям противопоставляются как полярный тип предложения безличные, в которых нет и не может быть подлежащего по самому их грамматическому строению (подобно тому, как нет головы у ланцетника) и в которых 3 л. ед.ч. является «пустым», формальным в силу отсутствия оппозиции 1-2-3 лица у данных «одноличных» (а соответственно «без-личных») глаголов, лексическое значение которых не допускает домысливания какого-либо подлежащего (грамматического субъекта, «действителя»). В качестве неопределенно-личных предложений трактуются бесподлежащие грамматические структуры с глаголом 3 л. мн.ч., который потенциально допускает оппозицию 1-2-3 л. ед./мн. ч. (в отличие от безличных глаголов) и в которых субъект (подлежащее) является «не-определенным» (т.е. не названным специальной лексической единицей в позиции подлежащего), но определенным, восполнимым (например, посредством слова «люди»), однако в этом «устранении» субъекта (подлежащего) автор видит специфическую черту неопределенно-личных предложений, поскольку – в отличие от неполных личных предложений типа «Иду», где субъект и лицо (морфологическое) явствуют из ситуации и из флексии глагола и где подлежащее как бы «случайно» опущено – в НЛП отсутствие подлежащего является семантически значимым, опущено «сознательно», придавая предложению его специфическое значение, отличающее его от неполных личных (Пешковский 1956: 342-344, 370-371). Так, анализируя предложения «В парламенте много говорят», «В этой пьесе много поют», «Его завтра хоронят» автор отмечает: «В них действующее лицо далеко не так ясно, ... и эта неясность как раз очень важна для них. Мы могли бы перечислить, кто в парламенте говорит (депутаты, министры), кто в пьесе поет, кто хоронит, но такое перечисление совершенно исказило бы фразу; ... добавление опущенного подлежащего ... здесь ... бы стерло самый синтаксический образ фразы, изменило бы строй ее. И это потому, что оно уничтожило бы тот оттенок неопределенности, в котором тут все дело. Здесь подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» (Пешковский 1956: 371). Как видим, понятие «неопределенность», «неизвестность», «намеренная устраненность» мыслятся как структурно-грамматические (морфологические, семантико-синтаксические) а не онтологические или когнитивно-эвристические факторы, что следует особо под-

черкнуть, поскольку в XX в. в целом ряде работ (и довольно «авторитетных») настойчиво проводилась мысль о сознательном «сокрытии» информации о субъекте, «умышленном» завуалировании, затушевывании деятеля посредством НЛП, в силу чего во многих работах по семантике реальный (!) субъект действия считается неизвестным, неопределенным либо сознательно «устраненным» из предложения, в силу чего поиски агенса в рамках НЛП средствами логического рассуждения неуместны и бесполезны, что находится в явном противоречии с установками А.М.Пешковского и А.А.Потебни, констатировавшими наличие «точки в грамматической мысли», соответствующей формально не выраженному субъекту (подлежащему) НЛП, и в этой связи хотелось бы отметить мысль А.А.Потебни о том, что предложения (высказывания) не только сообщают, но и возбуждают информацию, наличие которой в сознании («языковом мышлении») адресата говорящим не «устраняется», а предполагается.

О структурно-грамматическом, а не семантическом характере типологии предложения А.М.Пешковского свидетельствует также тот факт, что обобщенно-личные предложения выделяются в особый односоставный тип предложения, основанный на глагольной словоформе 2-го л. ед.ч. без подлежащего (признавая наличие обобщенного значения в рамках НЛП, он – в силу структурных факторов – отказывает соответствующим предложениям в статусе ОбЛП). Разграничение НЛП и ОбЛП автор обосновывает тем, что «они представляют собой две особые разновидности категории лица в русском языке и, соответственно с этим, две особые формы мышления говорящего по-русски человека» (Пешковский 1956: 370, 375).

Таким образом, основополагающим принципом данной классификации типов предложения является учет предикативной основы предложения: специфической репрезентации субъекта предложения (подлежащего) и тесно связанной с ним глагольной (морфологической) формы лица, для которой констатируется значительное и едва ли не доминирующее положение в предложении, поскольку А.М.Пешковский рассматривает сказуемое как ядро предикативности (отсюда и предложенный им термин «сказуемость» – см. с.166-169).

Дальнейшее исследование предложенных А.М.Пешковским типов предложения (и прежде всего – БП и НЛП) в плане сопоставительного анализа их синтаксической (формально-грамматической) и семантической структуры выявляет большое число функционально-семантических вариантов данных конструкций, для которых характерна асимметрия формы и содержания (поверхностной и глубинной структуры): так, НЛП обнаруживают наряду с неопределенным также и обобщенное и даже определенное осмысление не выраженного, но осознаваемого из условий конситуации «скрытого», «устраненного» (в более поздней терминологии – имплицитного, «нулевого») субъекта, а из числа безличных предложений выявляются структуры, содержащие косвенное указание на реального носителя действия (агентивные/субъектные/актантные предложения), выражаемого посредством косвенных форм существительного или местоимения, при этом в качестве репре-

зентантов семантического субъекта прежде всего признаются формы дательного и винительного падежей: Меня знобит, Мне страшно, Mich friert, Dem Vater grauset's.

В ходе сопоставительного анализа поверхностной и глубинной структуры синтаксических единиц возникла необходимость более четкого терминологического разграничения соответствующих языковых единиц. Если в работах А.А.Потебни и его последователей (А.М.Пешковского, Д.Н.Куликовского), исходивших из принципа изоморфизма грамматической (морфологической) и семантической (функционально-синтаксической) структуры предложения («форма есть значение»), термины «субъект», «подлежащее», «деятель», «лицо» могли обозначать компоненты предложения, синкретически совмещающие формальные и семантические характеристики, то при отдельном рассмотрении грамматической и семантической структуры, в процессе выявления асимметрии формального и семантического статуса членов предложения, неразграничение терминологии может приводить к нарушениям смысла, типа: «Иногда (в НЛП – НД) под неопределенным лицом скрывается определенное, вполне конкретное лицо» (Почтенная 1953: 249). Таким образом, намечается тенденция к разграничению терминов грамматических (подлежащее, морфологическое лицо, грамматический субъект) и семантических (субъект, семантический субъект, субъект-лицо, агенс и т.п.), однако терминологию в сфере семантических исследований нельзя назвать упорядоченной (да и вряд ли это возможно по причине многообразия лингвистических школ и индивидуальных концепций, сочетающих лингвистический подход с логическими, психологическими, философскими, прагматическими аспектами анализа).

Экспансия безличных (агентивных, субъектных) предложений, становящаяся приметой нового времени (см.: Пешковский 1956: 345; Потебня-III 1968: 322; Paul-III 1919: 27), а также подлежащих («определенно-личных», согласно современным дефинициям) предложений с косвенной репрезентацией семантического субъекта, ставит перед исследователями проблему выявления типологии функционально-семантической и коммуникативной специфики данных синтаксических единиц, а также системного статуса «косвенносубъектных» форм в составе этих предложений.

Определенный опыт анализа подобных форм содержится в работах по функциональной грамматике. Представители коммуникативно-функционального направления (Г.А. Золотова, М.Ю. Сидорова, Н.К. Онипенко и др.), отмечая необходимость определить отношение к категориям синтаксического субъекта и синтаксического лица, отмечают вместе с тем их тесную связь: «Содержание синтаксической категории лица определяется отношением субъекта предложения к участникам речевого акта: соответствием его 1, 2 или 3-му лицу» (Золотова 2003: 146). Разграничивая личный и предметный субъекты предложения, Г.А. Золотова констатирует наличие полной парадигмы лица у предложений с личным субъектом и наличие лишь 3-го лица у предложений с предметным субъектом.

Г.А. Золотова, отмечая дискуссионность термина субъект и – со ссылкой на К.Гаузенбласа – наличие 3 философских и 8 языковедческих употреблений данного термина, возражает против отдельного изучения подлежащего (как единицы «синтаксической структуры») и субъекта (как единицы «семантической структуры»), подчеркивая необходимость «выявить в единой структуре предложения категорию семантико-синтаксического субъекта», понимая под субъектом предложения «синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака», предполагающий «единство и взаимообусловленность семантического, синтаксического и морфологического признаков» и характеризуемый как некая субстанция, предполагающая «выражение его формами имени и существительного предметного значения» (Золотова 2003: 133-134). Синтаксическим признаком субъекта является не форма именительного падежа, противопоставляемая косвенным падежам, а функция независимой синтаксемы, выступающей в роли носителя предикативного признака и составляющей с ним структурную основу мысли-предложения, в рамках которого согласование между субъектным и предикатным компонентами является факультативным видом предикативной связи (с. 134-135). В соответствии с такой установкой, в качестве субъекта трактуются как имена в форме именительного падежа, так и косвенно- или предложно-падежные формы, ср.: У сестры грипп; У нее болит голова; Отцу не спится, Больного знобит, Сестрой овладела тревога, С тетужкой обморок, Во мне тревога, Хлеба – буханка, Мальчиков четверо, Воды прибывает и мн. др. (Там же: 135-136). При этом существенную роль играет препозиция в структуре предложения и прямая зависимость конструктивной роли грамматического субъекта от субъектной роли его референта во внеязыковой действительности, фиксированность синтаксической модели и ее типового значения на основе предикативного сочетания определенных форм субъекта и предиката (с.138). Г.А.Золотова считает, что так трактуемый субъектный компонент в позиции предикатируемого соответствует подлежащему предложения; со ссылкой на близкую точку зрения Ю.С.Степанова, с позиций семиотической грамматики трактующего субъект как «любое подлежащее, – всегда грамматическое, но не всегда морфологическое», Г.А. Золотова подчеркивает необходимость с позиций современной лингвистики «расширить представления о морфологическом облике подлежащего»; различия между синтаксемами объектного и субъектного значения автор видит «не в падежной форме, а в их семантике и синтаксической природе» (Там же:139).

Однако трактовка так понимаемого субъекта в качестве подлежащего встречает возражения: так, А.В.Бондарко, также подходя к анализу с позиций функциональной грамматики, предлагает в семантическом плане различать «предикативный признак» и «носителя предикативного признака» как семантическую основу предикативного отношения, разграничивая, однако, на поверхностном уровне «каноническое» подлежащее (им. п.) и «другие синтаксические единицы, выполняющие функцию предикатируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантиче-

ский субъект (в пассивных конструкциях – объект), выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» (ТФГ – 1992: 54-55). Категория субъектности трактуется как семантическая категория, имеющая структуру поля, при этом центром (ядерным компонентом) функционально-семантического поля (ФСП) средств выражения субъектности является подлежащие в им. п. как прототипический, «канонический» носитель предикативного признака (НПП), в то время как периферию поля занимают функционально соотносимые с ним разнообразные языковые средства, выступающие в рамках структурно многообразных грамматических конструкций (Там же : 55).

Поскольку в рамках данной концепции центром ФСП является определенная грамматическая категория или грамматическая конструкция, наиболее специализированно передающая основное значение, доминантой поля субъектности признается подлежащее (им. п.) двусоставных предложений; ближайшую периферию представляют «конструкции с недискретным выражением носителя предикативного признака (императивные конструкции, НЛП, ОБЛП с неназванным, но подразумеваемым/ имплицитным «неопределенно-личным», «обобщенно-личным», «определенно-личным» субъектом); к переходной зоне периферии относятся все типы выражения субъекта косвеннопадежными формами, выступающими в функции дополнений (здесь формы сочетают значение субъектности с определенным оттенком объектности, что ведет к «снижению ранга субъектности»); к дальней периферии ФСП субъектности относятся односоставные предложения, сопрягающие семантику субъекта и предиката в едином смысловом («событийном») комплексе (Ночь. Тишина) (ТФГ 1992: 68-69).

ФСП субъектности пересекается с другими полями (персональности, залоговости, объектности), при этом наиболее тесно категория субъекта соприкасается с ФСК персональности. В рамках данной концепции субъектность трактуется как «группировка грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта» (А.В.Бондарко – см.: ТФГ 1992: 68), а персональность рассматривается как семантическая категория лица, «характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему ... Семантика лица базируется на отношении пересечения/непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи» (А.В.Бондарко – см.: ТФГ 1991: 5). К центру ФСП персональности авторы относят субъектно-предикатную структуру, в основе которой лежит координация категории лица глагола и личного местоимения в позиции подлежащего, при этом ядро поля составляют формы с значением первого и второго лица (обозначающие непосредственных участников коммуникации), в то время как третье лицо составляет их окружение в центральной зоне ФСП, в силу меньшей значимости в коммуникативной ситуации (это «не-участники» речевого акта). К периферии ФСП персональности относятся косвеннопадежные формы личных местоимений в субъектной функции, а также притяжательные местоимения, содержащие косвенное

указание на субъект действия. Крайнюю периферию составляют безличные конструкции, обнаруживающие лишь форму 3-го лица ед.ч. (А.В.Бондарко – ТФГ 1991: 19-23). Персональность также характеризуется многообразием разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, комбинированных) средств выражения, передающих «различные варианты отношения к лицу» (Там же: 7).

Таким образом, семантическое поле субъектности связано с категориями падежа и одушевленности/неодушевленности, а поле персональности – с категорией лица (Бондарко 1984: 63). Зону пересечения обоих полей составляют значения определенности/неопределенности/ обобщенности и коммуникативные роли (участник/неучастник речевого акта), а также наличие прямых и косвенных репрезентаций носителя предикативного признака (субъекта). Выдвинутые авторами общие теоретические положения предполагают тщательное исследование различных средств выражения соответствующих категорий в конкретных языках с целью выявления структуры ФСП, специфических взаимосвязей конститuentов ФСП как в рамках одного поля, так и в зонах пересечения двух или более ФСП, с целью приближения к конечной цели – создания единой системы взаимодействия всех ФСП каждого конкретного языка, что по замыслу авторов позволит выявить системные взаимосвязи языковых единиц различных уровней (ТФГ 1991: 239).

Литература

1. АОР – Амирова Т.А., Ольховинов Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – М., – Т.1, 1975; Т.2, 1978; Т.4, 1983.
3. Березин Ф.М. История русского языкознания. – М., 1979.
4. Бондарко А.В. Функциональная грамматика – Л., 1984.
5. БСЭ – Большая Советская Энциклопедия. – Т.25. – М., 1976.
6. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
7. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958.
8. Георгиева В.Л. Вопросы развития безличных предложений в теории русского языка. – Дис. ... докт. филол. наук. – Т. 1-2. – Л., 1968.
9. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2003.
10. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978.
11. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990.
12. Микеладзе З.Н. Основоположения логики Аристотеля // Аристотель. Сочинения. – Т.1. – М., 1978. – С. 5-50.
13. Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб, 1912.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956
15. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1-2. – М.: Учпедгиз, 1958. Т. 3. – М., 1968.
16. ТФГ – Теория функциональной грамматики – СПб, 1991: Персональность. Залоговость, 1992: Субъектность. Объектность.
17. Albrecht E. Sprache und Philosophie – Berlin, 1975.
18. Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart – Freiburg/München, 1955.
19. Miklosich F. Subjektlose Sätze. – Wien, 1883
20. Paul H. Deutsche Grammatik. – Bd 3-4 – Halle, 1919.

21 Paul H Prinzipien der Sprachgeschichte – Halle, 1937

22 Steinthal H Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik – 1 Teil – Berlin, 1890

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНОЕ УСТРОЙСТВО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ СИТУАЦИИ

В.Ю. Копров

Воронеж

Проблема описания семантико-структурного устройства предложения волнует умы лингвистов уже не один десяток лет. Это вполне понятно, ведь предложение – главная знаковая единица языка – содержит в себе ключ к решению многих фундаментальных проблем теоретической и прикладной лингвистики. Особенно активные семантико-синтаксические изыскания развернулись с конца 60-х годов прошлого века. Одна за другой выходили работы по грамматике и сопоставительной типологии предложения В. Г. Адмони, А. И. Смирницкого, О. И. Москальской, В. Г. Гака, Т. П. Ломтева, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, Н. Д. Арутюновой, П. А. Леканта, А. В. Бондарко, Т. Б. Алисовой, И. П. Распопова, И. П. Сусова, В. В. Богданова, В. А. Белошапковой, Н. Н. Арват, В. В. Бабайцевой, П. Адамца, М. Кубика, Я. Светлика, Ф. Паппа, Л. Дэже и многих других отечественных и зарубежных ученых.

Традиционная грамматика подверглась справедливой критике за ее слишком общие определения, за их недостаточную строгость и четкость. Однако мы разделяем мнение о том, что «сколько бы ни критиковалась традиционная грамматика, она все равно продолжает оставаться первоосновой наших грамматических знаний» (Кубрякова, Панкрац 1985, 100). Так, традиционная классификация русских предложений может послужить отправной точкой и для типологических исследований, поскольку она учитывает целый ряд наиболее существенных и универсальных признаков семантики и конструктивного строя предложения.

Изучение литературы вопроса приводит нас к заключению о преждевременности происшедшего в последнее время смещения фокуса анализа со структуры предложения на его функционирование в тексте.

В каждом новом научном труде или учебном пособии по русскому синтаксису предлагаются отличающиеся друг от друга перечни типов предложений (от 10 до 172) и их семантические интерпретации (Золотова 1982; Волохина, Попова 1999; Всеволодова 2000 и др.).

Так, в работах представителей логико-грамматического направления наблюдается некоторая абсолютизация идеи отражения логического суждения в пропозитивной номинации и недооценка психолингвистических факторов и данных когнитологии. Это имеет следствием, с одной стороны, чрезмерную универсализацию классификаций предложений, построенных без широкого использования понятия «предикация» и без достаточного учета